

К вопросу о восстановлении армянской государственности (май 1918 г.)

ГЕГАМ ПЕТРОСЯН

Доктор исторических наук, профессор,

декан факультета международных отношений

Ереванского государственного университета

Вечером 25 мая 1918 г. находившийся в Батуме Председатель Закавказской мирной делегации А. Чхенкели получил из Тифлиса сообщение о том, что Грузинский национальный совет подготовил Декларацию независимости Грузии, которую представит на обсуждение Сейма в час дня 26-го мая. В сообщении также указывалось, что после принятия Сеймом решения председателю делегации будет отправлен мандат на начало отдельных переговоров с Османской Турцией.[1] Следует отметить, что вечером того же дня председатель Грузинского национального совета Н. Жордания сообщил о предстоящем провозглашении независимости Грузии и армянскому делегату А. Хатисяну, также находившемуся в Батуме.

Хотя новость не была неожиданной, она все-же вызвала беспокойство и замешательство армянских членов делегации. И озабочены они были неспроста. С независимостью Грузии окончательно рушились все усилия по созданию единого армяно-грузинского фронта против Турции (после падения Батума грузинские войска почти не участвовали в военных действиях против турок). Фактически, Армения оставалась в полной изоляции от соседей, наедине с Османской Турцией, тогда как с середины мая 1918 г. Германия предприняла серьезные практические шаги, чтобы защитить Грузию от турецких военных посягательств и обеспечить ее территориальную целостность. О татарах не стоило и говорить. Их целью было не только обеспечить влияние Турции в Закавказье, но и стать частью родственного им Османского государства.[2]

С целью смягчить тяжесть положения, в 10 часов вечера 25-го мая А. Хатисян и О. Каджазунни отправились на корабль «Минна-Хори», где встретились с руководителем немецкой делегации фон Лософфым (спешившим отплыть в Потти, чтобы 28-мая подписать тайное грузино-германское соглашение), чтобы попросить его походатайствовать перед своим правительством принять Армению, по примеру Грузии, под свою протекцию, однако их усилия были безуспешны. Фон Лософф откликнулся на просьбу делегатов лишь несколькими советами: прежде всего отправить делегацию в Берлин, чтобы пожаловаться на грубое нарушение Турцией

Брест-Литовского мирного договора (3 марта 1918 г.). Далее, провозгласить независимость Армении, исключив военный конфликт с Турцией. Он также посоветовал заключить мирный договор одновременно с Турцией и другими странами Тройственного союза,[3] о чем армянские делегаты немедленно телеграфировали в Тифлис, уведомив Армянский национальный (центральный) совет и партию Армянская революционная федерация.

Мягко говоря, советы фон Лософфа были не более, чем дипломатическими играми. Восточная Армения не представляла экономического интереса для кайзеровской Германии, следовательно, ей было невыгодно усугублять и без того напряженные отношения с союзнической Турцией. Германию интересовали природные богатства Грузии и бакинская нефть, и совершенно неслучайно, что грузинские и немецкие дипломаты, исходя из своих региональных военно-политических и торгово-экономических интересов и соображений безопасности, тайно подготовили окончательный роспуск Закавказской Республики и независимость Грузии. Все это осуществлялось в самый благоприятный в политическом отношении момент, когда 24 мая уже был готов к подписанию проект временного секретного договора между Грузией и Германией о сотрудничестве в военно-политической, экономической и других областях, а также в области безопасности.

Днем 26-го мая М. Пападжанян провел частную беседу с руководителем турецкой делегации Халилем-беем, который сообщил, что в тот же день представит ультиматум Закавказскому правительству, а в случае его ликвидации – Национальным советам трех титульных закавказских наций – армян, грузин и татар, ожидая ответа в течение 72-х часов. Халиль-бей также уведомил М. Пападжаняна: «Если армяне желают принять турецкий ультиматум, то они не будут против того, чтобы армяне построили отдельное государство на своих 10 тысячах квадратных верстах, которое они признают и заключат с ним мирный договор. Они также не будут против, если армяне пожелают заключить конфедерацию с мусульманами.».[4]

В тот же день по решению военно-политического руководства Турции Халиль-бей представил ультиматум руководителю Закавказской мирной делегации, однако независимая Закавказская Республика была распущена несколько часов назад, а Грузинский национальный совет провозгласил Грузию независимой республикой. В новых политических условиях Халиль-бей заявил, что вопрос не закрыт, адресат изменился, поэтому ультиматум будет предъявлен соответствующим Национальным советам или правительствам трех титульных наций по отдельности.[5] Действительно, в 10 часов вечера ультиматум председателя турецкой делегации выслушала не объединенная закавказская делегация, а по отдельности ее грузинские, армянские и татарские представители, поскольку Закавказский сейм, представленный единой делегацией, отказался обсуждать вопросы войны и мира, оставив их на усмотрение Национальных советов. Халиль-бей потребовал полностью принять или отклонить ультиматум **с новыми требованиями изменения границ** в течение 72 часов.[6]

Армянские члены Закавказской мирной делегации были знакомы с содержанием проекта турецкого соглашения еще с первых дней Батумских дипломатических переговоров (с 11-го мая). Халиль предъявил несказанно тяжелые требования всему Закавказью вообще и Армении, и армянам в частности, согласно которым

помимо границ, очерченных Брест-Литовским мирным договором (Карс, Батум, Ардаган) Турция требовала обширные территории Тифлисской, Кутаисской и Эриванской губерний. Длившиеся около двух недель Батумские переговоры не достигли согласия и 26-го мая Халиль-бей представил предложенный им договор о мире и дружбе, приложив к нему вышеуказанные новые условия уже языком ультиматума. Турки предъявили армянам новые условия: сдать весь Александропольский уезд, большую часть Эриванского и Эчмиадзинского уездов вместе с городом Эчмиадзин. Турция также потребовала почти все Ширакское плато и Араратскую долину, лишая армянство самых жизненно важных территорий.

И неслучайно, что турецкая делегация поспешила предъявить ультиматум именно 26-го мая, в судьбоносный для армян час Сардарapatского, Баш-Апаранского и Каракилисского сражений, будучи, конечно, уверенной, что в условиях героического сопротивления армянской армии, они не смогут быстро завершить войну. **В данный момент туркам было необходимо как можно скорее заполучить занятые ими обширные армянские территории, не предусмотренные Брест-Литовским договором; принуждением ультиматума обеспечить свой тыл от нападения армянских войск, а затем подписанием мирного договора проложить путь к скорому достижению Баку. Вот почему Османская Турция должна была какое-то время терпеть существование мизерного армянского государства, пока не решится вопрос Баку.** И неслучайно, что на следующий день — 27-го мая в полдень по приглашению Халиля-бея и Вехиб-паши (члена турецкой делегации, командующего Кавказским фронтом) в Батуме произошла встреча с А. Хатисяном и О. Каджазнуни. В ходе беседы Вехиб-паша сообщил, что сегодня они займут Каракилису и пробудут там четыре дня, чтобы дождаться ответа на ультиматум. Вехиб-паша ожидал получить ответ от имени армянского правительства. «Я и Вехиб-паша, — продолжил Халиль, — прекрасно осознаем положение армян и Армении, но также надеемся, что после подписания мирного договора армяне и турки достигнут согласия по вопросу территорий. У армян есть друзья среди турок, и что они помогут армянам в их делах.»[7] Он увещевал армянских делегатов сообщить Армянскому национальному совету в Тифлисе, что, если они примут ультиматум, «турки никак не против формирования (государства – Г.П.) Армении в пределах Закавказья и что Закавказская Федерация – вопрос ближайшего будущего.»[8] Как указывалось выше, о том же Халиль-бей за день до этого проинформировал М. Пападжаняна.

На встрече с армянскими делегатами Вехиб-паша признал, что на армяно-турецких фронтах (конечно, не упоминая героического Сардарapatского сражения) «армянские войска хорошо воюют. Андраник исполняет свою работу исключительно хорошо. В ближайшем будущем вы сможете иметь хорошую армию в Европе. По сведениям Шефик-паши он не видел подобного боя ни на одном из турецких фронтов. Несмотря на техническое превосходство наших войск, он длится четыре дня. На Кавказе вы займете место болгар. И они очень надеются на заключение турецко-армянского военного соглашения.»[9]

Как видим, недоброжелательность и даже враждебное отношение к армянам в течение последних дней мая сменилось на «дружественное». Командированный (17-го мая) Армянским национальным (центральным) советом в Батум М. Пападжанян констатировал, что в последние дни мая турецкая делегация «в ходе

мирных переговоров относилась к нам лучше».[10] Они часто говорили о «создании» армянского государства на Кавказе. Подобный намек был сделан еще на Трапезундских дипломатических переговорах 7-го марта и 1-го апреля 1918 г. председателем турецкой делегации Рауфом-беем.[11] **Нетрудно заметить, что в конце мая в отношениях армян и Османской Турции начался новый этап.** Однако возникает вопрос: почему, и наконец, каковы были глубинные, основные мотивы и цели этой завуалированной политики? Это отдельный вопрос, к которому мы обратимся в нашей следующей статье.

В новой, чрезвычайно напряженной и сложной ситуации у армянских делегатов не было иного выбора кроме как принять беспрецедентно тяжелый ультиматум, заключить мир и спасти армянство от новых бедствий. Тем не менее, без военных и политических гарантий Турции это было чревато многочисленными и непредсказуемо тяжелыми последствиями.

«Здесь, вместе с вопросом ультиматума, — пишет А. До,- впервые возникла задача провозглашения армянской республики и правительства, от имени которого ультиматум должен быть принят и подписан.»[12] (здесь и далее курсив наш – Г.П.). Были, однако, большие опасения, что без весомых политических гарантий провозглашение независимости Армении могло поставить физическое существование восточного армянства под серьезную угрозу со стороны Османской Турции: были еще свежи геноцид и лишение армян родины в Западной Армении и других населенных армянами районах, осуществленные военно-политическим руководством Турции в 1915 и последующих годах. После полного истребления армян в Западной Армении опасность уничтожения нависла уже над Восточной Арменией. А. Хатисяну и О. Каджазунни оставалось только вернуться в Тифлис и обстоятельно доложить создавшееся положение Армянскому национальному (центральному) совету для того, чтобы совместно с Армянской революционной федерацией и фракциями других политических партий обсудить и принять политически реалистичное решение. По просьбе армянских делегатов Халиль-бей решил на два дня (до восьми часов вечера 30-го мая) продлить срок ответа на ультиматум. В два часа дня 28-го мая они вернулись из Батума в Тифлис.[13]

За два дня до их приезда, вечером 26-го мая после бурных споров на совместном заседании Тифлисского представительского собрания и районных комитетов партии Армянская революционная федерация подавляющим большинством голосов была принята резолюция, согласно которой предлагалось предоставить Армянскому национальному (центральному) совету управленческие функции: «принимая во внимание, что после самороспуска Закавказского сейма и провозглашения независимости Грузии будет распущено и правительство Закавказья, и армянский народ останется на произвол судьбы, представительское собрание считает необходимым, чтобы Армянский национальный совет, усилив свой состав, приступил к действию среди армян, приняв функции управления, будучи уполномоченным диктаторскими правами в отношении всех проявлений армянской жизни и дел.»[14] По оценке С. Врацяна «дашнакское собрание очень верно оценило суть момента и предусмотрело действия. **Последующие события развивались в том же направлении.**».[15]

По прибытии в Тифлис 28-го мая А. Хатисян и О. Каджазунни были проинформированы о том, что вопрос принятия или отклонения турецкого ультиматума был поставлен на обсуждение созванного утром, безусловно, самого тяжелого и ответственного заседания Армянского национального (центрального) совета. В результате долгих и бурных дебатов ультиматум был отклонен.[16] Вкратце взаимоисключающие позиции, обоснования и аргументация фракций армянских политических партий в пользу принятия или отклонения турецкого ультиматума звучали так:

Армянская народная партия высказалась в пользу принятия, опубликовав следующую резолюцию:

1. Районы Ереванской и Гандзакской (Елизаветпольской) губерний, свободные от турецкой оккупации, в настоящее время отрезаны от внешнего мира: с одной стороны они окружены турецкими войсками, с другой – вооруженными азербайджанцами.
2. Армянская армия, как официально информирует командующий корпусом генерал Т. Назарбемян, большей частью дезорганизована.
3. В Ереванской губернии армянский корпус пока еще продолжает воевать с турками, но и он не в состоянии долго сопротивляться ввиду малочисленности и сильной нехватки вооружения и продовольствия.
4. В армянском народе наблюдается безнадежность и отсутствие желания воевать, и даже при желании он не в состоянии воевать с регулярными турецкими войсками, тем более в условиях нехватки вооружений и продовольствия.
5. Бесперспективные бои оставили разрушительные последствия на жизни армянского народа: она распадается не только экономически, но и физически. Всеохватывающая миграция грозит гибельными последствиями.
6. Ультиматум о заключении мира, предложенный турецким правительством, хотя и очень тяжел и не гарантирует, что войне обязательно и окончательно будет положен конец, но его последствия ясны в случае непринятия: после завоевания силой оружия в остальных армянских районах они отнесутся к армянскому народу по праву победителя, а при принятии, существует надежда, что военные действия прекратятся, если не навсегда, то хотя бы на время, армянский народ останется на своем месте, миграция приостановится и будет создана хоть какая-то возможность жить, пока армянский вопрос получит решение на ожидающейся общеевропейской конференции.
7. Принятие ультиматума может дать армянам возможность иметь маленькое национальное пространство, которое станет зародышем будущей национальной жизни. Учитывая все это, фракция Армянской народной партии решила принять турецкий ультиматум.[17]

Прямо противоположной позиции по ультиматуму придерживались представители Армянской революционной федерации и других партий. Выступивший на заседании Совета от имени фракции Армянской революционной федерации Х. Карчикян обосновал отклонение ультиматума следующими аргументами: принятие ультиматума никоим образом не остановит турецкое военное продвижение и намерение обезоружить армянское войско: это подсказано нашим пониманием турецкой политики, и нет гарантий и перспектив, чтобы утверждать обратное, а разоружение армянских войск будет началом резни армянского народа. Этим мы

сломи́м силу его сопротивления. Приняв ультиматум, мы ничего не получим от мусавата, но потеряем силу нашей самозащиты. Продолжив сопротивление, мы сделаем мусават более уступчивым в отношении армянского народа. Принимая во внимание, что грузины также отклонят ультиматум, вероятно, и те азербайджанцы, которые постоянно высказывались против. Наконец, принятие ультиматума еще не означает, что война прекратится, потому что многие армянские области могут продолжать войну. Непринятие ультиматума будет иметь большое значение с точки зрения защиты прав армян на предстоящей конференции. Учитывая все эти обстоятельства, не особо надеясь на чужое вмешательство и оставаясь в полном одиночестве, **фракция Армянской революционной федерации предлагает не принимать турецкий ультиматум.**[18] Однако в конце заседания была получена весть о том, что армянские делегаты А. Хатисян и О. Каджазнуни вернулись из Батума и попросили не предпринимать ответственных шагов и отложить окончательное решение вопроса для совместного обсуждения и принятия политически взвешенного решения на вечернем заседании.[19]

На вечернем заседании Армянского национального (центрального) совета (с 5:30 до 7:00 часов) главным вопросом повестки опять был турецкий ультиматум. А. Хатисян и О. Каджазнуни подробно доложили о процессе Батумских дипломатических переговоров, роспуске Закавказской республики, независимости Грузии и, в частности, чрезвычайно сложной и напряженной ситуации, созданной после предъявления навязываемого Турцией ультиматума. А. Хатисян сообщил: «Мы не знали о положении армянских областей и о нашем состоянии. Потом узнали, что ультиматум направлен также против грузин, чего они не ожидали. Мы снова повидались с Вехибом-пашой и Халилем-беем (27-го мая – Г. П.). На наш вопрос, почему вы, будучи в процессе переговоров, продолжаете наступление, Вехиб-паша ответил, что это средство, чтобы заставить принять наши требования: захвачены все важные военные пункты..., но до окончания срока ультиматума продвижения не будет.

... Мирное население не воюет, продолжил он, однако армянские солдаты оказывают блестящее сопротивление, как достойные противники. Однако, как бы ни были храбры ваши войска, они не смогут нас победить, потому что у вас нет государственного аппарата. **Если вы не примете ультиматум, закончил он, мы продолжим наступление на Тифлис, Ереван.** О границах говорите с Халилем-беем.

Халиль-бей сказал, что он, якобы, много раз говорил с Талаатом-пашой, но бесполезно. **Ультиматум надо принять: в противном случае все пропало.** Правда, ваша страна очень мала, но армянский народ трудолюбив.».[20]

Следует отметить, что это традиционная военно-политическая тактика, принятая Османской Турцией: с одной стороны, вести переговоры, а с другой – оккупируя территории Закавказья, оказывать давление на ход дипломатических переговоров и угрозами принудить свои несправедливые требования языком ультиматума.

Обратившись к А. Хатисяну и О. Каджазнуни председатель собрания Ав. Агаронян попросил докладчиков высказать свое окончательное заключение о турецком ультиматуме. В заключительном слове А. Хатисян заявил: «Все эти обстоятельства

и безнадежность нашего военного положения создали для нас такие условия, что мы вынуждены принять ультиматум. Продолжив войну, мы потеряем землю, а **приняв, станем правовым государством, у которого есть будущее.** На русских нет надежды, от Англии и Франции никакой пользы, единственной надеждой остается Германия. Конечно, ультиматум может и не спасти нашу территорию, единственной гарантией может быть подписание четырьмя государствами. Если мы совершенно не доверяем туркам, тогда переговоры излишни. Но сам он думает, что **приняв ультиматум, мы становимся объектом посредничества с перспективой на будущее. Для этого необходимо, чтобы Национальный совет провозгласил независимость,** переехал в какой-то армянский район, конечно, подписав ультиматум. **Если не примем, нам угрожает резня.»**[21] На вопрос Ав. Агароняна, какие гарантии, что турки не захватят оставшиеся армянские территории и не уничтожат народ, О. Каджазнуни добавил: **«По моему глубокому убеждению, нет другого выхода, кроме принятия ультиматума, не никаких гарантий.»**[22] В результате продолжительных и бурных обсуждений ультиматум был принят.

Примечательна оценка свидетеля этих событий А-До: «На собраниях Национального совета катятся тяжелые минуты и жестокие часы, собрания следуют друг за другом, говорят, спорят, опровергают, аргументируют о трудно разрешимом вопросе, на столе – акт об обезглавливании армянского народа и требуется, чтобы этот акт был освящен тем же самым палачом. Можно не подписывать, но армия, армянская армия, которая начала прилагать героические усилия, одерживать славные победы, лишена всего: одежды, обуви, хлеба, даже запасов оружия. Она потеряла все, оставила Эрзрум, Карс, Александрополь, Каракилису, оставила все в руках врага и сейчас противостоит врагу с пустыми руками. И Ереванский Национальный совет, главнокомандующий Назарбекян телеграфируют: мир, мир.

Время не ждет. События катятся по наклонной со стремительной скоростью, надо положить конец изнуряющему и убивающему положению, и Национальный совет на вечернем заседании 28-мая, закончившемся в половине первого ночи, решает принять турецкий ультиматум, выставив, однако, следующие условия:

1. Оставить Эчмиадзин в границах Республики Армения;
  2. Не подвергать армян в занимаемых областях военной мобилизации
  3. Армянская Республика должна иметь военную силу для защиты внутреннего порядка и границ;
  4. Армянские беженцы должны вернуться в места своего проживания.»
- [23]

Заседание постановило: в целях подписания мирного договора командировать в Батум новую делегацию в составе А. Хатисян, О. Каджазнуни и М. Пападжанян, предоставив им неограниченные полномочия.[24] А принятие решения о том, от чьего имени будет в Батуме выступать мирная делегация — от имени Армянского национального (центрального) совета или правительства,[25] оставили на следующий день. На заседании 29-го мая была составлена комиссия (А. Агаронян, Н. Агбальян, А. Хатисян и О. Каджазнуни) для разработки и редактирования заявления (призыва к армянскому народу). Вечером того же дня Халилю-бею была отправлена телеграмма, что мирная делегация Армянского национального совета уже отправилась в Батум.[26]

В 12 часов дня 30 мая в доме Арамянца в Тифлисе А. Агаронян опубликовал заявление Армянского национального (центрального) совета: «В связи с новым положением, возникшим в результате ликвидации Закавказской политической общности и провозглашения независимости Грузии и Азербайджана, **Армянский национальный совет объявляет себя высшей и единственной властью армянских областей. Оставив по некоторым весомым причинам вопрос формирования Армянского национального правительства в ближайшие дни, Национальный совет временно принимает все функции правительства по политическому и административному управлению армянских областей.**».[27] 31-го мая заявление было опубликовано в печати. Армянский национальный (центральный) совет считал формирование правительства преждевременным: следовало дождаться результатов Батумских переговоров, т.е. подписания мирного договора. Было также решено через семь дней начать новые переговоры с турецким командованием, если до этого не будет известий от отправленной в Батум мирной делегации Армянского национального (центрального) совета Тифлиса. С этой целью была даже создана специальная делегация в составе генерала Т. Назарбекияна (председатель), А. Манукяна и других.[28]

Нетрудно заметить отсутствие в этом заявлении слов «Армения» и «независимость». Независимость Армении была вынужденной. Неслучайно, что заявление Армянского национального (центрального) совета не вызвало у армянского народа никакого резонанса.[29] В этой связи Симон Врацян, очевидец и участник тех событий пишет: «Прежде всего для армянского народа создалось такое безысходное положение, что формирование независимого государства могло показаться горькой иронией. Большая часть страны оказалась под турецкой пятой, народ был изможден и экономически, и физически, и нашел убежище или в Грузии и на Северном Кавказе или сбился в кучу на том худеньком участке земли, который должен был стать основой будущей Республики Армения. Всюду плач, обездоленность и паника... Кто мог в этих условиях думать о независимости, кто будет ее осуществлять и охранять?

Вторая причина была психологической: то, что грузин и татарин легко осуществили идею независимости, со сравнительно легким сердцем расстались с Россией, этот шаг был тяжелой трагедией для русско-армянского интеллигента. В существующих условиях независимость для армянского интеллигента была равна возврату турецкой тирании, новому этапу великомученичества армянского народа. Этим объясняется то, что заседание Армянского национального совета, на котором обсуждалась «независимость», было напоминало более дом скорби, в котором лежит покойник...».[30] Затем он добавляет: «**Хотя в подлинном смысле (заявление – Г.П.) не было провозглашением независимости, но стало таковым по стечению обстоятельств.**».[31] Неопровержимый факт, что заявлением от 30-го мая было положено начало строительству независимой государственности.

Тем не менее до первых месяцев 1919 г. официально провозглашать независимость Армении сочли нецелесообразным.[32] Это обстоятельство породило подозрения, что Армения, исходя из каких-то соображений, не желает отделяться от России. Действительность, однако, была другой. Откладывание декларации независимости новосозданной Республики Армения было обусловлено сложным внутренним и

внешним положением. Дело в том, что ощущением безнадежности и безвыходности было охвачено и руководство республики. **Границы Армении еще не были определены.**

Несомненно, задержка ее оглашения оставила нежелательные последствия и на внутренней, и на внешней политике Армении. Забегая вперед, отметим, что это обстоятельство стало препятствием также для других держав в отношении выдвижения своих требований на Парижской мирной конференции. Официальная задержка декларации независимости была обусловлена также неопределенной, медлительной и нерешительной позицией армянских властей. Кроме того, пользуясь этим, мусульманское население страны не упускало повода развернуть широкомасштабную пропаганду и организовать постоянные волнения против независимости Армении. В первые месяцы 1919 г. В Карсе, Веди, Шаруре, Нахичеване, Зангибасаре и Сурмалу по инструкциям Азербайджана и Турции мусульманские элементы отказались признавать власть Республики Армения и объявили о своей «независимости». Более двадцати мелких и крупных «независимых мусульманских властей», используя все возможные средства, пытались подорвать Республику Армения изнутри.

Определенные затруднения возникли и по вопросу организации западноармянской иммиграции. При переговорах с государствами Антанты о проблемах западноармянских беженцев постоянно вставал вопрос, по какому праву правительство Республики Армения ходатайствует о западных армянах, пользуется ли оно доверием беженцев? Подобный подход имел основания. Задержка с официальной публикацией декларации вызвала разногласия в рядах армян. Была очевидна разница отношения западных и восточных армян к вопросу о независимости, в котором, безусловно существенную роль сыграл **российский фактор**. Западные армяне, проживавшие в Республике Армения, не желали иметь отношение к России. И поскольку декларация независимости не была официально опубликована, западные армяне опасались, что восточные армяне не хотят отделяться от России. По этой причине они были против расселения в Восточной Армении, если она не будет провозглашена независимым государством. Западноармянские беженцы чувствовали себя чужими в Восточной Армении и почти не участвовали в общественно-политической жизни страны. Им казалось, что правительство Республики Армения предвзято в отношении западноармянских беженцев. И неслучайно, что западные армяне избегали зачисления на воинскую службу, что серьезно препятствовало созданию сильной, объединенной армии.

Задержка официального провозглашения фактической независимости была квалифицирована западным армянством, как намерение снова воссоединиться с Россией. Это обстоятельство создавало предпосылки для того, чтобы вбить клин между двумя сегментами армянства и для их отчуждения друг от друга, что было недопустимо в этот роковой час. В письме-докладе министру иностранных дел Армении от 24-го апреля 1919 г. М. Агаронян сообщил из Парижа, что Погос Нубарпаша и его окружение много раз говорили, что боятся, что **«...турецкое армянство будет поглощено российскими армянами, поскольку последние более многочисленны и намного сильнее экономически и по образованности. Второй причиной «страха» является то, что мы все социалисты, будь то дашнакцутюн, который, по их мнению, правит, или наша единая партия, и, наконец, политическая боязнь, что русские в конце**

концов усилятся и придут, чтобы овладеть Кавказской Арменией, следовательно нехорошо, если Турецкая Армения пойдет на воссоединение с ней, а лучше прежде организовать государство турецких армян, с которым добровольно воссоединится и Кавказская Армения».[33] Сохраняя независимость, восточные армяне не могли отказаться от протекции России, ее экономической, политической и военной помощи, которую они считали гарантией своей безопасности. Нетерпимость западных армян в этом вопросе можно было в какой-то мере понять. Потеряв родину и эмигрировав в Восточную Армению, они называли республику лишь «Араратской», находя, что истинной колыбелью родины является территория Западной Армении. Большая часть западноармянских деятелей имела прозападную ориентацию и их окончательной целью было осуществление идеи единой и независимой Армении.

И наконец, задержка принятия декларации независимости сформировала в государствах Антанты, так же, как в соседних странах, мнение, что «армяне не являются сторонниками независимости».[34] Это мнение получило особенно широкое распространение на территориях Южной России, находившихся под контролем белогвардейцев.

[1] См. НАА ф. 200, г. 1, г. 8, р. 112

[2] См. **Naki Keykurun**, *Azerbaycan istiklal mücadelesinden hatıralar (1905-1920)*, İstanbul, 1998, s. 111-112, см. также **Serpil Sürmeli**, *Türk-Gürcü İlişkileri (1918-1921)*, Ankara: AKDTY K Atatürk Araştırma Merkezi, 2001, s. 125.

[3] См. НАА ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 112

[4] См. НАА ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 113

[5] См. НАА ф. 4004, оп. 3, д. 29, л. 133

[6] См. НАА ф. 200, оп. 1, д. 23, л. 56

[7] См. НАА ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 113

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 233

[11] См. **Г. Петросян**, 1918 г. Трапезундская мирная конференция. Հայկական հարցի արձարծումները, «Հայագիտության հարցեր», հանդես, Ереван, 2016, 3(9), стр. 51-53.

[12] **А-До (Оганнес Тер-Мартirosян)**, Родовые муки армянства (Հայուրեան Երկունքը), Ереван, 2014, стр. 408 (на арм. яз).

[13] См. НАА ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 113

[14] Провозглашение независимости Армении и формирование центральных органов власти (май-июль 1918 г.) (Հայաստանի անկախության հռչակումը և իշխանության կենտրոնական մարմինների ձևավորումը.) Сборник документов и материалов, составители и авторы предисловия и комментариев **Г. К. Сукиасян**, ред. **А. С. Вирабян, К. Г. Хачатрян**, Ереван, НАА, 2009, стр. 23 (на арм. яз.).

[15] **С. Врацян**, Независимая и объединённая Армения (очерк), Ереван, 1920, стр. 15.

[16] См. НАА ф. 200, оп. 1, д. 141, л. 235.

[17] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 233

[18] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 232

[19] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 235

[20] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 235-236

[21] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 237

[22] Там же

[23] **А-До**, стр. 408-409 указ. соч.

[24] См. НАА ф. 200, г. 1, г. 8, р. 114

[25] См. Провозглашение независимости Армении и формирование центральных органов власти (май-июль 1918 г.), стр. 29.

[26] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 238

[27] См. НАА ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 239

[28] См. **Г. Аветисян**, Победа армянского национального единства. Май 1918 года, Ереван, 1998, стр. 129 (на арм. яз).

[29] См. газета «Занг», , Ереван, 7 июня 1919 г. (на арм. яз).

[30] **С. Врацян**, Независимая и Объединённая Армения (Очерк), Ереван, 1920, стр. 16(на арм. яз).

[31] **С. Врациян**, Республика Армения, Париж, 1928, стр. 131(на арм. яз).

[32] См. подробнее **Г. Петросян**, Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.) Ереван, 2011, Стр. 199-206 (Հայաստանի Հանրապետության հարաբերությունները Ռուսաստանի հետ).

[33] **Г. Петросян**, там же, стр. 205.

[34] См. НАА ф. 276, оп. 1, д. 119, л. 76